

ВЫСШЕЕ ЗВАНИЕ — ГРАЖДАНИН

Я АКТЕР. Другой профессии у меня не было и ни к какой другой я никогда не стремился. Раздумывая о положении актёра в странах капитала, горжусь и рдуюсь я за нас, советских работников искусства.

Нам дано все для плодотворной работы. Мы творим без оглядки и без страха. Мы окружены любовью и надежной поддержкой народа, поэтому должны сознавать свою ответственность, свой гражданский и творческий долг перед людьми, перед искусством.

Актёры не просто участвуют в общей жизни. Театр (и в этом главная, драгоценная особенность нашей профессии) влияет на формирование и ума, и чувств зрителя. Люди тянутся к большим идеалам, берут за образец не только героев реальной действительности, но и героев, созданных литературой и искусством.

Что же я, актёр, могу сделать, чтобы почувствовать: не зря ли прожил свою жизнь, принес ли в меру сил своих и возможностей пользу моим замечательным современникам?

Мне дважды — на сцене и на экране — довелось сыграть роль Владимира Ильича Ленина. Я считаю, что это была одна из высших наград, полученных мною в жизни, и одно из самых серьёзных испытаний. Недавно мне написали школьники Кузбасса. Они решили создать у себя в школе музей имени Ленина и попросили меня рассказать, как я работал над созданием образа Владимира Ильича. Простое детское письмо глубоко взволновало меня. Я не заблуждаюсь и не думаю, что, играя Ленина, я мог хоть в какой-то степени исчерпывающе раскрыть характер величайшего гения человечества. Моя скромная работа заслужила некоторые похвальные отзывы, вероятно, потому, что нам, создателям фильма и спектакля, удалось найти путь к воображению зрителя и зритель уже сам дорисовывал в своем сознании портрет Ильича, чьи черты я пытался, как мог, воплотить в своей работе.

Я понял, как много может сказать зрителю образ большого человека, созданный в кино или театре... Образ, который прямо со сцены или экрана как бы входит в жизнь, активно вмешивается в мысли, мечты человеческого, поселяется в сердцах людей, помогает им жить.

Наше творчество, наше актерское воображение питает, конечно, драматургия. Я убежден, что мера энергии, вложенной артистом в работу, прямо пропорциональна масштабам задачи, которую ставит перед ним драматургическое произведение. Когда перед исполнителем возникает глубокий и яркий характер, когда гражданская мысль произведения выливается из современности и обращена к современникам, артист приводит в действие все духовные запасы, мобилизует весь жизненный опыт и добивается, как правило, значительного успеха. Оглядываясь назад, на путь нашего театра, я вижу, что все его крупные художественные завоевания находились на линии «главного удара». Я был еще совсем юным, когда меня, как и весь зрительный зал, захватывала необыкновенная мощь образа, созданного Николаем Симоновым на сцене Академического театра драмы имени Пушкина в спектакле «Ярость». Великолепный революционный порыв искаленного озверевшими кулаками крестьянина был так красноречив, что весь зал откликнулся на него в едином порыве. Это был пример высокого воздействия сценического искусства на душу современников.

Я видел В. И. Качалова и Н. П. Хмелева в спектакле «Бронепоезд 14-69». И этот спектакль «тихого» Художественного театра был исполнен огромного, яростного гражданского пафоса. Качалов и Хмелев создали не просто новые и глубоко современные художественные образы, они агитировали своим искусством за Советскую власть, вербовали верных ее союзников.

Не надо уходить в далекое прошлое, чтобы судить о силе влияния театральных героев на людей. Совсем недавно я слышал, как зритель, депутат Ленинградского Совета, инженер, делился своими впечатлениями о спектакле нашего театра «Все остается людям»:

— Смотрел я на Дронова и учился. Учился великому искусству быть подлинным слугой народа. Смотрел и оценивал по-новому свою жизнь.

Разве не счастье для актёра сознавать, что его герой стал одним из тех, с кого люди хотят «делать жизнь»? И в самом деле, Николай Черкасов в пьесе С. Алешина «Все остается людям» сыграл академика Дронова именно учителем жизни. Каким мощным зарядом энергии наделил Черкасов этого человека! Какое неисчерпаемое жизнелюбие открывается в смертельно больном Дронове! Какой великолепный, истинно гражданский накал чувств, какая целеустремленность у этого несколько чуждаватого, но глубоко преданного своему народу учёного! Образ Дронова — превосходный пример творческого взаимоплодотворения художника и литературного персонажа.

Между актёром и героем происходит непрерывный взаимообогащающий процесс. В разных случаях герой открывает мне разное. Иногда много, иногда меньше, но почти всегда я нахожу в новом человеке, с которым сталкиваюсь на сцене, нечто такое, чего не знал раньше. Я счастлив, если мой герой становится для меня каким-то первооткрытием. Тогда проникновение в его психологию, характер, взаимоотношения с другими людьми — все захватывает меня, актёра, своей жизненностью и новизной.

Но мало изучить материалы, относиться к жизни своего героя. Мало проникнуться конкретными обстоятельствами данной пьесы. Надо в самом себе ощутить гражданские чувства, которые позволили бы тебе убежденно, без фальши говорить от имени этого героя.

Чем богаче личность актёра, чем больше он знает о жизни, чем острее его политическое чутье, тем больший вклад он внесет в сценическое искусство. Перед зрителем на сцене предстает человек, образ которого выкристаллизовывается в сложном сплаве материала пьесы, режиссерской мысли, моего собственного человеческого и актерского понимания и опыта.

Герой может быть великим человеком и рядовым гражданином, образцом прекрасного или человеком запутавшимся. Но художник запутываться не должен. В битве идей, захватившей мир, позиция художника должна оставаться твердой и принципиальной. Он обязан видеть конечную цель своего создания и понимать, во имя чего он выводит на сцену именно этого героя, именно в этих обстоятельствах.

Камертоном нашей работы был и будет спектакль о современности и современнике. Спектакль, отражающий время, главные его приметы, герой, в котором народ узнает одного из тех, за которым хочется пойти, на которого мечтаешь быть похожим.

В работе над ролью легко попасть на приманку знакомого, использованного, пройденного. Найдешь в герое черты, открытые у ранее сыгранных персонажей, и повторяешь, что было сделано в предыдущих работах... Но в жизни так не бывает. Разве видел кто-нибудь совершенно одинаковых людей? Возьмите двух рабочих одной специальности, ровесников, связанных, помимо работы, личной дружбой — никогда один не повторяет полностью другого. Возьмите двух сестер, отца и сына... Их всегда отличает друг от друга свое, индивидуальное, лишь этому человеку присущее, то, что и составляет единственное, неповторимое своеобразие каждого живого характера.

Большой артист никогда не допустит демонстрации своего «я», как бы это «я» само по себе ни было значительно. Он каждый раз будет создавать нового человека. И каждый раз этот человек будет заново интересен зрителям.

Я вспоминаю, как превосходно сыграл Василий Меркурьев роль учителя Охотникова в «Потерянном сыне». Он показал нам директора школы, воспитателя не только по должности, но и по призванию. Меркурьев нашел жизненные подробности, придавшие образу естественность, обаяние, человеческое достоинство. Это свидетельствовало о больших творческих возможностях актёра. И все-таки надуманность основной коллизии не могла не проявиться и в характере Охотникова. Искусственность построения пьесы, книжность и заданный конфликт поставили перед исполнителем границы, которые не могли перейти даже жизнелюбивый талант Меркурьева, его изобретательное стремление углубить авторскую мысль. Живой человеческий характер рождается на сцене, когда и автору, и актёру есть что сказать друг другу.

И не надо думать, что зритель скучает, если речь идет о служебных делах, об общественной жизни. Наш зритель и сам живет этой общественной жизнью, находится в центре ее. Для него личное и общественное неразделимы. И они должны быть неразделимы в театральном произведении, если оно действительно рождено жизнью и рассказывает о жизни.

Трудность и величие нашего искусства заключаются в том, что, участь у жизни, театр должен быть и учителем жизни. Актёр — активный строитель коммунистического общества, носитель и пропагандист передовых идей.

В пьесе «По московскому времени» Ларин говорит, что в пропаганде, как и в музыке, нужен абсолютный слух. Этот слух актёр должен неутомимо и непрерывно совершенствовать. Для того чтобы завоевать зрительный зал, заставить его поверить в происходящее на сцене, необходимо обладать безукоризненно точным чувством правды, естественности, нужно уметь «чувствовать» время и его особенности.

Актёр должен всегда ощущать свою ответственность перед народом. Его долг — ограждать зрителя от легковесных и фальшивых «Танцев на шоссе», от произведений идейно неполноценных, далеких от главных вопросов жизни. Актёр отвечает за все, чем живет театр, за все, что увидит зритель на сцене театра, — это прямая обязанность современного актёра, его гражданский долг перед обществом.

Безграничны и глубоки связи между искусством и жизнью. Вне жизни искусства не может быть. Но как бедна жизнь без искусства!

Искусство больших идей, больших чувств, то самое искусство, которого ждет от нас партия, необходимо советскому человеку. Такое искусство — одна из самых насущных его потребностей.

Художник всегда частица своей эпохи. И место художника в жизни определяется тем, что он познал и что рассказал о своих современниках, чем послужил людям. «Нельза», — сказал Никита Сергеевич Хрущев, — считая себя борцом за интересы трудового народа, стоять на перепутье между борющимися сторонами «добро и зло» внимая равнодушно».

Нет, художник не может быть равнодушным. Художник живет не в эпозе времени, а шагает в первой шеренге. И того, кто все свое мастерство, все силы свои отдаёт созданию произведений, достойных нашего великого времени, такого художника награждают высшим званием. О нем скажут — гражданин.

В. ЧЕСТНОКОВ,
народный артист СССР.